

«В ДОБРОВОЛЬНО-ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ». К ВОПРОСУ О СТРУКТУРАХ ПРИНУЖДЕНИЯ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

ЧАЩУХИН АЛЕКСАНДР
ВАЛЕРЬЕВИЧ

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

DOI: 0.17072/978-5-7944-4056-0-33-51

© Чашухин А. В.

АННОТАЦИЯ

Ироничное выражение «в добровольно-принудительном порядке» знакомо каждому человеку, живущему в нашей стране. Речь идет о внешне добровольных действиях индивида или группы лиц в условиях непрямого/неофициального/полуофициального принуждения. Эти практики были хорошо знакомы советскому человеку в различных формах: организация первомайской демонстрации, сбор денег председателем месткома, организация явки на официальное мероприятие. Традиционно принято обращать внимание на формализацию и содержательное выхолащивание этих мероприятий в позднесоветское время. Между тем вызывает удивление важный элемент «добровольного принуждения» – отсутствие проблематичности для организаторов этих социальных интеракций. Несмотря на внешнюю абсурдность многих мероприятий, инициаторы низовой активности оценивали проводимые мероприятия как весьма успешные. Несмотря на внутреннее отчуждение от происходящего, добровольно принуждаемые участники не нарушали правил социальных спектаклей. Удивительно, но подобные формы организации/контроля оказались весьма протяженными по времени, дойдя в несколько измененной форме до наших дней. В статье делается попытка представить историко-социологическую модель анализа указанных выше социально-политических коммуникаций. Эта модель представляет собой адаптацию понятийного аппарата теории фреймов И. Гофмана, что позволяет по-новому рассматривать советские и постсоветские публичные ритуалы.

Ключевые слова: фреймы, дистанция, абсурд, транспонирование, сцена, социальный спектакль.

"ON A VOLUNTARY-COMPULSORY BASIS". ON THE QUESTION OF THE
STRUCTURES OF COERCION IN THE LATE SOVIET AND POST-SOVIET TIMES

Alexander V. Chashchukhin
Perm State University

Abstract.

The ironic expression in "voluntarily-forcibly" is familiar to every person living in our country. We are talking about externally voluntary actions of an individual or a group of persons in conditions of indirect/unofficial/semi-official coercion. These practices were well known to the Soviet people in various forms: organizing a May Day demonstration, collecting money by the chairman of the local committee, organizing an appearance at an official event. Traditionally, it is customary to pay attention to the formalization and meaningful emasculation of these events in the late Soviet period. Meanwhile, an important element of "voluntary coercion" is surprising – the absence of problems for the organizers of these social interactions. Despite the external absurdity of many events, the initiators of grassroots activism assessed the events as very successful. Despite the internal alienation/distancing, the voluntarily forced participants did not violate the rules of social performances. Surprisingly, such forms of organization/control turned out to be very long in time, having reached the present day in a slightly modified form. The article attempts to present a historical and sociological model of the analysis of the above socio-political communications. This model is an adaptation of the conceptual apparatus of I. Hoffman's frame theory, which makes it possible to consider Soviet and post-Soviet public rituals in a new way.

Key words: frames, distance, absurdity, transposition, stage, social performance.

Выражение «в добровольно-принудительном порядке» для нашего соотечественника выглядит узнаваемым. Студенты, преподаватели вузов, школьные учителя, офисные работники и рабочие предприятия нередко оказываются в ситуациях, когда формально добровольное действие на деле оказывается одним из вариантов инициируемого сверху распоряжения. К подобным ситуациям может относиться посещение публичного мероприятия, сбор средств или подписей. Ироничная интонация, с которой произносится выражение «в добровольно-принудительном порядке», указывает на некое противоречие: готовность выполнить распоряжение руководителя с сохранением внутренней дистанции к происходящему. Иными словами, активист, откликающийся мгновенно на призывы начальства, действует в иной логике. Перед нами скорее проявление лояльного подчиненного, внутренне не принимающего смыслов того или иного организованного мероприятия, но вынужденного при этом временно следовать правилам навязанной игры.

Попытаемся продемонстрировать добровольно-принудительный порядок на примере одного события, свидетелем и участником которого был автор этой статьи. Несколько лет назад в социальных сетях и корпоративной рассылке одного из пермских вузов появился анонс мероприятия со странным названием «Архиффест». Синтетический термин, состоящий из двух слов «архив» и «фестиваль», в прежние времена представить было сложно. Использование этих лексем относилось к различным институциям. Действительно, фестивальные мероприятия имели прописку в учреждениях, относящихся к культурному ведомству – театрам и филармониям. Для архивного анонса гораздо уместнее

выглядело бы сообщение о предстоящей конференции или о планируемом совещании. Между тем в контексте культурной повестки того времени «Архifest» не выглядел совсем необычно. Так называемая культурная революция в Перми завершалась не одномоментно. Ее наиболее продолжительным направлением была театральная политика, связанная с деятельностью Теодора Курентзиса – на тот момент художественного руководителя Пермского театра оперы и балета. Регулярные фестивали нередко выходили за границы самого театра. В данном случае часть театральной повестки оказалась привязана... к Государственному архиву Пермского края. Инициатива родилась в стенах архива не случайно. Руководитель этого учреждения имел давние связи с театральной средой, в своих публичных презентациях демонстрировал знания и компетенции эксперта в области классической музыки. Наверное, не будет преувеличением сказать, музыкально-театральная экспертиза стала неотъемлемой частью его идентичности, предъявляемой в публичном пространстве. Добавим, в кресло директора архива он пришел из стен вуза, в котором до того заведовал одной из кафедр. Это предварительное вступление нам было необходимо, чтобы понять контекст мероприятия, которое сейчас будет описано.

Итак, в рамках программы «Архifest» проходил творческий вечер, встреча с известным музыкантом-виолончелистом, исполнителем классической музыки. Руководство архива в силу прежних связей тесно сотрудничало с пермским вузом. Именно поэтому руководство учебного заведения и студенты были приглашены на это мероприятие. Впрочем, по отношению к молодежи слово «приглашены» требует кавычек. Сценарий подготовки встречи был хорошо узнаваемым. Студентам «настоятельно рекомендовали» обязательно прийти на это мероприятие. Добровольно-принудительный режим редко вызывает удовлетворение. В таких случаях находится небольшое количество «оппозиционеров», игнорирующих распоряжения свыше. Доля тех, кто открыто выражает энтузиазм в ответ на инициативу начальства, тоже относительно невелика. Большинство демонстрирует ту или иную степень отчуждения, высказывает в своем кругу недовольство, но при этом соблюдает внешнюю лояльность, исполняя волю руководства. В той ситуации автор не был сторонним наблюдателем. В силу того, что он исполнял обязанности руководителя одной из образовательных программ, именно на его плечи руководство вуза возложило обязанность «организации явки» студентов, которым необходимо «повышать свой культурный уровень»¹.

¹ Аргумент, использованный руководством вуза для обоснования распоряжения, выходящего за рамки функционала образовательной деятельности.

Чуть позже мы рассмотрим принятые способы добровольно-принудительной мобилизации. Пока же обратим внимание на само мероприятие. Как уже говорилось, оно представляло собой творческую встречу с известным виолончелистом. На сайте архива сохранился фотоотчет, благодаря которому можно увидеть героя встречи и присутствующую публику². В первых рядах сидят почетные гости – начальство и гости вуза, руководители двух пермских театров, депутат городской думы. В самом зале видны присутствующие разного возраста, среди которых около 70 процентов молодежь. Это и есть упомянутые студенты. На их лицах читается внимание к происходящему – сосредоточенная серьезность взглядов, подчеркнутое погружение в происходящее действие. Не будем обманываться. Если бы мы начали смотреть фильм Андрея Звягинцева «Возвращение» с последних кадров, где демонстрируются фото счастливых героев, мы бы предположили, что перед нами кинолента, наполненная социальным оптимизмом³. Так же и здесь. Напряженное внимание студентов – не более чем отработанное «управление впечатлением» и «покровительственные действия» в терминологии И. Гофмана [Гофман, 2000, с. 274–279], следствие видимой для них работы фотографа, объектив которого фиксировал происходящее со стороны сцены.

С последних рядов мне были прекрасно видны иные реакции студентов, которые они тщательно скрывали от организаторов: закатывание глаз, надувание щек, перешептывание и неслышный хохот. Их можно было понять. Абсурдность происходящего заключалась в следующем. Большинство студентов (первокурсников) в тот момент не являлись поклонниками классической музыки. Практически никто из них не имел представления о музыканте, на творческий вечер которого они вынуждены были прийти.

Возможность насладиться высоким искусством на этой встрече тоже отсутствовала. Музыкант не исполнял музыкальные произведения. Взаимодействие виолончелиста с публикой происходило в вербальном режиме в форме рассказа о себе, перемежающегося ответами на вопросы. Таким образом, за исключением двух-трех человек, которых можно было бы отнести к культурным экспертам, заинтересованным в разговоре с известным музыкантом, большинство присутствовавших на мероприятии не только не имело представлений о творчестве исполнителя, но и не могло с этим творчеством ознакомиться на встрече. При этом высказываемое до и после встречи недовольство

² URL: http://www.archive.perm.ru/about/news/arkhifest-opened-in-perm-russia-s-first-archival-festival/?special_version=Y (дата обращения: 25.07.2023)

³ «Возвращение». Фильм. Реж. А. Звягинцев. 2003

не помешало большинству незаинтересованных участников массовки правильно сыграть свою роль: тихо сидеть два часа и слушать. Точнее – напряженно изображать «внимательное слушание», компенсируя его скрытой «неправильной» активностью, которую можно трактовать и как сопротивление, и как конвенциональную форму вежливости.

В этой ситуации вызывает удивление не противоречие между «неподдельным вниманием» и «скрываемым неповиновением» студентов. Последнее германский историк А. Людтке назвал бы, наверное, проявлением *Eigensinn* (своеволия, независимости) [Людтке, 2010, С. 88–89; 96–102]. Удивляет другое. Большинство присутствующих знало о фабрикации происходящего. Музыкант был одним из немногих участников, кто мог искренне предполагать, что на встречу с ним пришли заинтересованные слушатели. Руководители архива и вуза знали о том, что музыкант не известен «массовке», не могли не иметь представления о принудительном и формальном характере присутствия студентов на этом мероприятии хотя бы в силу того, что сами были властным источником «принуждения к явке». Просветительский эффект этого мероприятия был либо равен нулю, либо способен на долгое время отбить интерес к классике. Между тем в глазах руководителей это мероприятие было успешным. Встреча прошла на высоком уровне, была правильно организована, студенты и преподаватели должным образом сыграли свои роли.

С их позиций этот успех определялся следующими результатами: явка состоялась (зал был наполнен людьми), присутствующие правильным образом изображали внимание, некоторые еще и задавали заранее подготовленные вопросы. Происходящее было задокументировано в форме фотоотчета, который был использован в новостной ленте на сайтах и социальных сетях двух организаций. По отношению к студентам правомерен другой вопрос. Что заставляло их играть мучительную роль в двухчасовой пьесе, которая со стороны выглядела столь абсурдной? Опасение возможных санкций могло заставить студентов прийти на мероприятие. Но почему именно таким образом они проигрывали отведенную им роль, не сговариваясь предварительно друг с другом? Через день на семинаре с их стороны мне был задан вопрос о том, почему я ушел раньше. Это действительно было так, ведь я благо-разумно занял последний ряд, что позволяло, не привлекая внимания, удалиться до окончания действия, в котором я вынужденно играл роль «мобилизатора-контролера». Мой встречный вопрос: «А почему этого не смогли сделать Вы?» вызвал у студентов искреннее удивление. На этом семинаре мы разбирали отрывок из книги И. Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни». Собственно, единственным

аргументом, «легальным» с точки зрения образовательных практик для организации явки на творческую встречу и было предварительное информирование студентов о том, что впечатления от этой встречи будут в дальнейшем использованы на занятии.

По своей форме этот случай, несмотря на абсурдность, вряд ли был исключительным. В качестве примера приведем подобную ситуацию, разворачивающуюся примерно на десять лет раньше в иных институциях⁴. Руководство одного из пермских предприятий, организуя встречу работников с кандидатом в Законодательное собрание Пермского края, в добровольно-принудительном порядке обязало сотрудников присутствовать на ней. В силу того, что встреча проводилась внезапно, в авральном режиме, организаторы столкнулись с проблемой явки. Проблема, впрочем, была решена. Организаторы смогли заполнить большую часть актового зала. Правда, участниками этой встречи оказались представители специфической группы работников, трудоустроенных на этом предприятии. Ими были... глухонемые. Не секрет, что еще с советских времен на вредных производствах, связанных с повышенным уровнем шума, использовалась эта категория работников, имеющих ограничения по здоровью.

Практика сохранялась и в постсоветское время. Абсурдность ситуации для этих и остальных работников предприятия была очевидна. Понять выступающего, даже читая по губам, большая часть участников была не в состоянии. Задать вопрос – тем более. Как и в первом случае, одним из немногих непосвященных был сам выступающий. Между тем руководство предприятия посчитало встречу успешно проведенной. Как и в предыдущем примере, абсурдность ситуации была видна тому (в данном случае – информанту), кто наблюдал «внутреннюю кухню» мероприятия, имея при этом возможность сохранять личную дистанцию. Таким образом, сама видимость абсурда для наблюдателя предполагает позицию, в которой становится возможным остранение. Последнее предполагает наличие некоей дистанции между наблюдателем и происходящим. Эта дистанция позволяет не только видеть абсурд, но и задавать исследовательские вопросы. Почему абсурдные мероприятия, основанные на добровольно-принудительном порядке, интерпретируются как успешные их организаторами? Что заставляет людей подчиняться неофициальному принуждению, предполагающему серьезный телесный самоконтроль в заданной ситуации? Каким образом участники принимают подобные ситуации как типичные, что позволяет им организованно следовать предписанному сценарию? Можно ли гово-

⁴ Интервью с Б-вым, юрисконсульт пермского предприятия. 28.10.2007 // Личный архив автора.

речь об исторической традиции и (или) преемственности этой формы властной коммуникации?

Попробуем сначала ответить на последний вопрос. Определяя ту или иную ситуацию, мы нередко типизируем видимое событие на основе примеров, которые почерпнули из опосредованного знания – профессионального опыта, литературы и кинематографа. В данном случае видится сходство с сюжетом известной песни А. Галича «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира»⁵. Организованный политический митинг, призванный продемонстрировать солидарность советских трудящихся с внешнеполитической линией государства, на деле оказывается фабрикацией действия. Досадная ошибка инструктора, вручившего главному герою песни не тот «авторский» текст выступления, оказывается незамеченной никем из присутствующих. За исключением самого Клина Петровича, от лица которого поет автор. Ему, единственному из участников митинга, видна абсурдность происходящего действия, которое вынуждает его говорить от лица противоположного гендера: «Израильская, – говорю, – военщина / Известна всему свету! / Как мать, – говорю, – и как женщина / Требую их к ответу!».

Содержательно совершенно иная, но структурно схожая ситуация обнаруживается в сцене фильма Георгия Данелии «Афоня»⁶. Напомним сцену собрания трудового коллектива, занимающегося воспитанием главного героя, моральный облик которого не соответствует образу советского труженика. Присутствующие коллеги демонстрирует отчужденность, желают быстрее закончить мероприятие для того, чтобы погрузиться в домашний просмотр многосерийного фильма по телевизору. При этом персонажам прекрасно известны правила игры и сценарий собрания. Что нужно сделать организатору после зачитывания перед собранием сообщения из милиции о хулиганском поведении Афони? Обратиться к трудовому коллективу: «Какие будут предложения?». Как быстрее закончить неинтересное собрание, отвлекающее от важных домашних дел? «Поставить Борщеву на вид» и разойтись по домам. Почему нельзя в качестве наказания нельзя «поставить на вид»? Потому что эта санкция уже в прошлом применялась к Афоне. Комический эффект достигается посредством того, что главный герой сам подсказывает руководству следующую по жесткости меру воздействия – «строгое с предупреждением». При этом коллега, которая всерьез пытается играть роль нерав-

⁵ Галич А. О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира. URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=4071> (дата обращения: 25.07.2023)

⁶ «Афоня». Фильм. Реж. Г. Данелия. СССР. Киностудия «Мосфильм», 1975. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L9HATyYkZLs&t=904s> (дата обращения: 25.07.2023)

нодушного к судьбе Афони члена трудового коллектива, выглядит в этой сцене чужеродной как по отношению к присутствующим, так и по отношению к зрителю.

Итак, мы описали четыре события, которые выглядят совершенно по-разному с содержательной и функциональной точек зрения. Что может быть общего у культурного просвещения молодежи, политической агитации, демонстрации солидарности с курсом партии и правительства и коллективным перевоспитанием проштрафившегося коллеги? События, удаленные друг от друга во времени, различные по назначению, объединяет ощущение абсурдности, которая становится заметной с позиции наблюдателя. Благодаря этой позиции мы видим в этих событиях общий знаменатель в виде некоей схожей драматургии, согласно которой разыгрываются столь содержательно несхожие между собой действия. В силу того, что этот опыт обнаруживается как в современных российских реалиях, так и в позднесоветском прошлом, мы можем говорить об исторической устойчивости традиции, которая проявляется не столько в содержании, сколько в форме организации того или иного публичного мероприятия. Драматургия этих мероприятий предполагает «принуждение к явке» при соблюдении негласной конвенции, согласно которой от участников требуется формально-телесное исполнение роли, но не предполагается интериоризация декларируемых мероприятием смыслов.

Для того чтобы понять, почему возможна эта конвенция, вернемся к тем вопросам, на которые мы попытались ответить выше. Почему для организаторов абсурдных действий проведенные мероприятия выглядели успешными? Что заставляло участников мириться с принуждением? Напомним, для начальства смысл мероприятия заключался в демонстративной отчетности, выражаемой известным выражением «поставить галочку». Для подчиняющихся указанным манипуляциям – в демонстрации внешней лояльности, которая помогает избежать возможных санкций со стороны начальства. Такая, назовем ее циничной, трактовка происходящего может быть принята в качестве объяснительной схемы.

Между тем у подобной интерпретации есть некоторые границы. Это суждение исходит из посылки, согласно которой субъекты в каждый момент происходящего руководствуются схожими смыслами, отвечая на вопрос «Зачем мы это делаем?». Иными словами, исполнители одной роли должны во время описываемого действия постоянно думать о некоем отчете, который продемонстрирует работу заведений в публичном пространстве. Исполнители роли рядовых участников озабочены проявлением лояльности, за которой скрывается опасение воз-

возможного применения санкций со стороны руководства. Достигаемая при этом релевантность перспектив приводит к известному суждению о раздвоенности сознания, двойной морали, о циничном исполнении ролей в процессе публичной коммуникации, что неизбежно отсылает нас к знакомым нарративам о позднесоветском / постсоветском массовом сознании. Указанные нарративы могут представлять собой публицистику или претендовать на статус научной модели, которая была сконструирована много лет назад российскими социологами в рамках емкой и точной фразы «человек лукавый» [Левада, 2000, с. 423–442; Гудков 2009, с. 8–37].

Попытка иначе понять советского человека, его взаимодействие с формами идеологии и контроля была предпринята А. Юрчаком, предложившим концепт «внезаходимости», под которой понималась трансформация повседневных смыслов при сохранении внешней незабываемости советских институтов [Юрчак, 2014, с. 255–305]. Обратим внимание на важную черту, которая объединяет столь разное понимание советского человека. Модели «человека лукавого» и «внезаходимости» предполагают выявление субъективных смыслов, которые вкладывает субъект в свои повседневные действия. Разница лишь в том, что в первом случае «человек лукавый» цинично проигрывает свою публичную роль, а во втором – не замечает противоречий между идеологией и повседневными смыслами в силу содержательного выхолащивания политического языка и переименования авторитетного дискурса.

При этом оказывается не вполне понятно, в какой момент взаимодействия сами участники приписывают своим действиям смысл. На стадии проектирования? В процессе взаимодействия? Или постфактум оправдывая свои действия в условиях абсурдной ситуации? Ответить на эти вопросы едва ли представляется возможным. Интервью как источник фиксирует рефлексия респондента постфактум. Эвристические возможности дневника тоже имеют границы в силу того, что автор производит нарратив обычно за пределами описываемого события, как правило в приватном пространстве. Наблюдение является продуктивным для описания телесного и предметного взаимодействия, но редко дает возможность фиксировать смыслы происходящего.

Приписываемые действиям смыслы являются неотъемлемой частью феноменологической интерпретации повседневности, восходящей к концептуальному аппарату М. Вебера [Вебер, 2006, с. 453–468]. Между тем фокусировка исследовательского внимания только на смысловом поле повседневного взаимодействия может оставить незаметными иные уровни социальной интеракции. Напомним, абсурдность, объеди-

няющая все приведенные примеры относится скорее не к поведению самих участников разыгрываемых спектаклей, а к смысловому наполнению события со стороны рассказчика/наблюдателя. Для большинства участников описываемых мероприятий исполняемая роль была им знакома и привычна, не вызывала замешательства в процессе исполнения. Скрываемое сопротивление только подтверждало это правило, ведь никто из рядовых участников не решился на открытое неповиновение в форме демарша.

Попытаемся вслед за И. Гофманом поставить вопрос иначе: «Что здесь происходит?» [Гофман, 2003, с. 68]. В этом случае сама рутина – организованная сцена, локализация людей в той или иной пространственной зоне, сценарные рамки действия будет рассматриваться не столько с позиций конструируемых участниками смыслов, сколько с позиций фреймов. Под ними мы, вслед за В. Вахштайном*, понимаем «собирательное обозначение контекста..., который наделяется автономным, независимым от конкретных практик существованием. Представляет собой устойчивую структуру из знаний и ожиданий». [Вахштайн, 2011, с. 41] Подробно разбирая различные версии фрейм-анализа, В. Вахштайн приводит такое понимание фрейма Г. Бейтсоном: «Метакоммуникативное образование, сообщение о сообщениях», которое не сводится к остальным элементам коммуникации и не выводится из них. «Не принадлежит ни содержанию (деятельности во фрейме), ни окружению (деятельности за фреймом)» [Вахштайн, 2011, с. 47].

Под метакоммуникативностью в данном случае понимается коммуникативный сигнал, направляющий ход интеракции [Вахштайн, 2011, с. 194–195]. Подобные сигналы позволяют определить ситуацию и принять правила игры типизированного социального спектакля – партийного собрания, торжественного банкета или дружеской вечеринки. Несводимость фрейма к конкретной интеракции «здесь-и-сейчас» обеспечивает его устойчивость. Напомним, в своем позднем труде И. Гофман подверг критике известную в социологии теорему Томаса [Гофман, 2003, с. 61–62]. В основании этой критики находится суждение о том, что в процессе повседневной интеракции мы действительно определяем ситуацию, но в большинстве случаев делаем это беспроblemно. Иными словами, по мнению И. Гофмана, ситуации не конструируются постоянно «здесь-и-сейчас», как правило мы имеем дело с готовыми схемами интерпретации, которые в силу полученного социального опыта довольно успешно распознаются. Это и есть фреймы, понимаемые одновременно как матрица важных событий и как схема

* Признан Министерством Юстиции РФ иностранным агентом.

интерпретаций. Эта двойственность – готовый объективный сценарий социального взаимодействия и субъективная схема наблюдателя предполагает заложенное во фрейме свойство изоморфизма [Гофман, 2003, с. 86; Вахштайн, 2011, с. 195]. Этот изоморфизм виден не только в процессе указанных коммуникаций, но и после их завершения. Так, автор рассказывал об этих случаях своим коллегам в кулуарной обстановке. Неизменные улыбки или смех со стороны слушателей сигнализировали с одной стороны, о наличии смыслового единства жизненных миров рассказчика и слушателя, демонстрировали общее понимание смешного. С другой стороны, сама по себе ситуация рассказа о веселом и (или) абсурдном событии являлась фреймом, который задавал сценарий коммуникации, разворачивающихся в обстановке неформального общения в форме интонаций, последовательности рассказа и взаимных ожидаемых реакций.

Итак, добровольно-принудительный порядок можно рассматривать как набор фреймов, которые задают в схожих условиях сценарии действия, независимые от содержательной стороны событий. При этом важным свойством фреймов является возможность переключения, или транспонирования. Так, ситуации «творческая встреча с известным актером» и «творческая встреча с неизвестным исполнителем» могут иметь различное смысловое наполнение, но фреймированы схожим образом. Более того, именно знание «настоящего» фрейма в сочетании с опытом действий в условиях «добровольно-принудительных» фреймов отрывает возможность с легкостью выстроить фрейм «сфабрикованный». Знание о «настоящем» смысле позволяет изобразить, пусть и внешне видимость смысла. Таким образом, добровольно-принудительный порядок как система фреймов является результатом своеобразного транспонирования «настоящих» фреймов, заимствования у них не столько содержание и смысла, сколько презентационной формы происходящего действия.

В рассматриваемой перспективе первомайская демонстрация, митинг в защиту мира, сбор средств местном советском предприятии, субботник были организованы по схожему образцу. Попытаемся выделить условия, в которых оказывается возможным фреймирование содержательно различных событий. Применяя понятийный аппарат фрейм-анализа, рассмотрим «контекст контекста», «фрейм фреймов». Добровольно-принудительный порядок предполагает одну из форм властных асимметричных отношений. Этот порядок реализуется за пределами формальных границ официальных институтов. Так, предполагается, что принуждение осуществляется во вне рабочее время и (или) на нерабочем месте, в отрезок времени и (или) локации, где у официального руководителя нет формальных оснований для реализа-

ции власти. Конституирующей чертой добровольно-принудительного порядка является явная демонстрация «инициативы снизу», предполагающая «скрываемое» принуждение сверху. Кавычки в предыдущем предложении расставлены не случайно. О принуждении знают не только участники взаимодействия, но нередко и сторонние наблюдатели. В понимании последних это может выглядеть как абсурд, фабрикация и обман. Между тем остальными участниками коммуникации добровольно-принудительный порядок может восприниматься как типичный, нормальный способ реализации господства и подчинения. В данной теоретической рамке общее смысловое поле взаимодействия не является конституирующей компонентой. Так, содержательно смыслы взаимодействия могут быть вариативны: денежная помощь коллеге, повышение культурного уровня, демонстрация солидарности трудящихся. Конституирующей компонентой оказывается не смысловое содержание, а способ фреймирования ситуаций.

В этом плане добровольно-принудительный порядок как форма реализации власти обладает важными характеристиками. Эффективность неформального принуждения не предполагает обязательной интериоризации заявленных в мероприятии смыслов. Более того, организатор творческого вечера или митинга в защиту мира и не ждет от участника искренней вовлеченности и эмоционального погружения в происходящее действие. Организованная явка – собрание людей в нужное время и в нужном месте предполагает в первую очередь телесный контроль. Публичная презентация заявленных смыслов оказывается важнее интериоризации ценностей.

Добровольно-принудительный порядок предполагает определенное распределение ролей. Во-первых, это руководитель, который инициирует проведение того или иного мероприятия. Между тем ответственность за явку он несет далеко не всегда. Обычно для этого существует исполнитель, которому делегируется это поручение. С административной точки зрения исполнитель находится в подчинении руководителя. При этом распоряжение и характер выполняемого поручения не связаны напрямую с выполнением официальных профессиональных обязанностей. Этот же принцип распространяется и на достижение исполнителем поставленной задачи: организация явки, мобилизация трудящихся или обучающихся осуществляется за пределами трудовой или учебной деятельности. Это определяет особые приемы принуждения массовки⁷.

⁷ В терминологии фрейм-анализа эти приемы можно рассматривать как проявления свойства метакоммуникативности или сигналов, посредством которых обеспечивается определение/распознавание ситуации.

Здесь возможны различные стратегии. Один из вариантов – «шутливое» принуждение. Кавычки здесь снова расставлены не случайно, они демонстрируют известное правило «в каждой шутке есть доля шутки». Подчиненные должны эту шутку воспринять как возможную угрозу санкций. Так, ироничное обещание вспомнить о тех, кто не пришел, позже в рамках официальных трудовых или учебных отношений – должно быть воспринято как угроза потенциальных санкций⁸. Другим возможным вариантом может быть обещание отложенных преференций. В этом случае принуждение приобретает характер некоей неформальной сделки⁹. Используемым приемом может быть и обращение к эмоциям, совести, корпоративной чести. Этот прием вербально конструирует трудовой или учебный коллектив, страну, власть, во имя которых индивид должен временно пожертвовать личными интересами¹⁰. Наконец, возможна стратегия авторитета, выражаемого в форме пересказа воли начальства, суждение которого невозможно проверить: «руководство настоятельно рекомендовало», «есть установка – весело встретить Новый год»¹¹. В каждом конкретном случае может быть использована одна или несколько стратегий. Так или иначе на временной шкале мы видим два события, подвергаемых фреймированию – подготовку спектакля и само театральное действие.

Позднесоветская эпоха отличалась большей «плотностью» мероприятий, фреймированных схожим образом. Партийные и комсомольские собрания, производственные совещания и политинформации, имея различные функции, разыгрывались схожим образом. Во-первых, они были, как правило, локализованы в специально отведенном про-

⁸ В отечественной мультипликации этот фрейм, выраженный в гротескной манере, можно обнаружить в одной из серий «Смешариков». Ежик, которому отвели роль ответственного за подготовку к празднику, сталкивается с неповиновением остальных героев, у каждого из которых находится тысяча причин саботировать репетиции. На помощь Ежику приходит Крош, предложивший в качестве инструмента символической власти использовать «книжечку», в которой будет вестись учет проступков неподчиняющихся. Шутка при этом отнюдь не воспринимается в качестве таковой, благодаря чему Ежик быстро обретает легитимную власть в представлениях окружающих, а потом и в собственных глазах. См.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I5mNfhsmfA> (дата обращения: 25.07.2023)

⁹ Речь в этом случае может идти не о конкретном соглашении, а о своеобразной конвенции, благодаря которой подчиненный надеется в сравнении с другими членами коллектива на большее расположение со стороны начальства в решении различных вопросов. Так, активный студент-общественник надеется на некую защиту со стороны руководства факультета в случае возникновения проблем с учебой.

¹⁰ Выражение «честь школы», за которую нужно «выступить» или которую нужно «отстоять» или «защитить» является одной из первых дискурсивных форм, с которыми сталкивается наш соотечественник в процессе социализации. В этом случае конструирование коллективного субъекта, от лица которого должен выступить индивид, предполагает одновременное конструирование условной опасности со стороны Другого.

¹¹ Последняя фраза – цитата из советского кинофильма «Карнавальная ночь». Бездушный и глупый чиновник Огурцов, отдавая распоряжение о коллективном праздновании Нового года, ссылается на волю начальства. Именно так советский зритель считывал значение слова «установка» и жест, указывающий наверх. См.: «Карнавальная ночь». Фильм. Реж. Э. Рязанов. СССР. Киностудия «Мосфильм», 1956. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3j21SZJ8g8> (дата обращения: 25.07.2023)

странстве – актовом зале, ленинском уголке или пионерской комнате. Во-вторых, сама структура пространства предполагала сегментацию, позволявшую участникам беспрепятственно принимать на себя ту или иную роль – участника / зрителя, члена президиума, выступающего. Источники, доставшиеся нам от минувшей эпохи, тоже можно рассматривать с позиций фреймов. В этом случае, несмотря на динамичные изменения содержания протоколов партийных собраний, форма самих документов менялась чрезвычайно медленно. Именно поэтому историки в большей степени обращают внимание на содержание подобных материалов, а не на форму их изложения. «Повестка», «присутствовали», «прения», «постановили» – все эти фразы остаются невидимыми до тех пор, пока не происходит принципиального изменения формы, например, появления отпечатанных бланков вместо рукописных текстов¹². Любопытно, что лучшие возможности для обнаружения фрейма добровольно-принудительных мероприятий появляются в переходные периоды Оттепели или Перестройки. Именно в эти эпохи нестабильности происходила легитимация позиции стороннего наблюдателя, со стороны которого становился заметным абсурд происходивших событий. Знаменитое «Собрание на ликеро-водочном заводе» М. Жванецкого¹³ или «1 сентября» в исполнении дуэта Карцев – Ильченко¹⁴ являются яркими свидетельствами возможности видеть фрейм посредством его разрушения и (или) посредством использования легально допустимого фрейма юмористического номера или передачи.

Каждая модель нуждается в демаркации границ ее использования. На наш взгляд использование термина «добровольно-принудительный порядок» неприменимо к тем ситуациям, в которых основным мотивом к принуждению является явное или воображаемое насилие. Организованный гнев трудящихся по отношению к врагам народа в период Большого террора, несмотря на внешние сходства, имеет иные основания, нежели участие в позднесоветских ритуалах. В отличие от мероприятий сталинской эпохи добровольно-принудительный поря-

¹² Историки, знакомые с эволюцией партийной отчетности послесталинского времени, обращали внимание на то, как с определенного периода (с 1960-х) происходит внешняя формализация отчетности при одновременном выхолащивании содержания документа. Если в протоколах партийных собраний 1950-х мы еще можем увидеть живые эмоции и следы социального спектакля, то к концу 1960-х многие партийные отчеты все чаще напоминают сухие сценарии, в которых высказывания участников неотличимы от партийного и бюрократического языка. А. Юрчак описывает этот феномен как гипернормализацию авторитетного дискурса. В нашем случае мы можем говорить о разрыве между фреймом реального собрания и фреймом документа, составленного по его мотивам.

¹³ М. Жванецкий. Собрание на ликеро-водочном заводе. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9LSOpIU4p5U> (дата обращения: 24.07.2023).

¹⁴ М. Жванецкий. Исп. П. Карцев, В. Ильченко. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Dg9Jlt88ReY&t=156s> (дата обращения: 24.07.2023).

док не предполагает страха в качестве основной эмоции в мотивации участников. Как уже говорилось, добровольно-принудительный порядок не предполагает эмоциональной вовлеченности участников в происходящее действие. Это заставляет говорить еще об одной границе. К добровольно-принудительному режиму не относятся те социальные спектакли, в которых мы видим искреннюю эмоциональную вовлеченность участников, интериоризацию декларируемых мероприятием ценностей в их жизненных мирах. Так, неформальные объединения позднесоветской эпохи, такие как коммунарское движение или Грушинский фестиваль, предполагают иные формы вовлечения/принуждения [Димке, 2015]. Следующую границу, отделяющую добровольно-принудительный порядок от других форм публичных мероприятий, можно обозначить как бюрократическую. Мир приказов, циркуляров, отчетов и распоряжений может соприкоснуться с реализацией «добровольно-принудительного» действия, но выстроено по иной формализованной и обезличенной логике. Между тем обозначенные границы добровольно-принудительного порядка не следует считать абсолютно непроницаемыми. В данном случае уместнее говорить не о насилии, а фабрикации насилия (или его угрозы), не об испытании искренних эмоций, а о публичной демонстрации оных.

Иными словами, при сохранении границ фрейм добровольно-принудительного порядка делает условными и (или) отчасти игровыми миры «деспотизма» и «фанатизма». Это замечание справедливо и по отношению к бюрократической границе. Рассматриваемый фрейм не работает в формализованном бюрократическом пространстве, но при этом не может без него существовать. Принуждение к явке осуществляется неофициальным образом людьми, которые дистанцированы от своих подчиненных посредством официальной бюрократии. Сценарий организованного мероприятия должен выглядеть как инициированный снизу, но проведение самого мероприятия часто невозможно без формального приказа или иного распоряжения со стороны начальства.

Использование категории фрейма позволяет объяснять как устойчивость, так и динамику социальных коммуникаций, которые формируются на стыке повседневности и властных отношений. Для исторического исследования этот подход может вызывать серьезное неудобство. В рамках истории повседневности это означает попытку представить социально-историческую динамику не как изменение смыслов или реконструкцию субъектности, а как смену контекстов. Последние часто оказываются незаметными для участников исторических процессов в силу того, что являются для них привычными.

Для исследователя же неизбежно возникает проблема адекватной интерпретации источника. С позиций исторической науки соположение четырех приведенных выше примеров, относящихся к различным конкретно-историческим условиям, может выглядеть как грубейшее нарушение принципа историзма. Между тем смещение фокуса исследования с содержания взаимодействия на форму, с субъективных смыслов на фрейм позволяет открывать новые перспективы, формулировать иначе исследовательские вопросы. Использование категории фрейма позволяет говорить о формах реализации власти на уровне повседневности. Сложное, но возможное понимание динамики социальных отношений посредством изучения смены социальных контекстов позволит увидеть не только игру актеров, но и смену декораций, поместить в фокус исследования не только дискурсы, но и предметный и телесный миры участников коммуникаций. В этом случае в фокус исследования попадают не социальные группы и их участники, а устойчивые формы коммуникаций, которые охватывают различные зоны публичного пространства. К последним может относиться партийное собрание и заседание общественной организации, акция по сбору металлолома и проведение субботника.

В заключении позволим себе высказать гипотезу, формулировка которой является своеобразной данью упомянутому выше принципу историзма. Добровольно-принудительный порядок возникает (или становится определяющим) в позднесоветскую эпоху, когда террор и насилие перестают быть главными инструментами реализации власти. Выстраивание в новых условиях относительно четких границ между приватной и публичной сферой предполагало два варианта реализации советского проекта. Первый становился возможным в условиях «оттепельной» перезагрузки советского публичного пространства. «Протестантский» пафос возвращения к истокам, романтизация революционного прошлого, эмоциональная вовлеченность порождали различные формы социальной активности – от шестидесятничества до коммунарского движения. О новых формах социальной активности и общественно-политических коммуникациях периода Оттепели существует обширная историография, список предшественников которой будет неполным [Вайль, Генис, 2011; Фирсов, 2008; Лебина, 2014; Лейбович и др., 2012; Фокин, 2017]. Между тем этот советский тренд имел серьезные недостатки с позиций различных акторов. Для руководителей различного уровня это приводило к непредсказуемости последствий публичных коммуникаций и неопределенности границ советских институтов. Для многих же трудящихся эмоционально насыщенные активности «сверху» могли восприниматься как покусение на появившуюся приватность, которая

сама предлагала новые фреймы проявления эмоций: туристический поход, исполнение авторской песни, рассказывание анекдотов и т.п.

В этих условиях добровольно-принудительный порядок стал второй формой реализации властной коммуникации, предполагавшей сохранение внешнего контроля при одновременной утрате требований к содержательной интериоризации советских ценностей. Формирование фрейма добровольно-принудительного порядка при этом имело противоречивые последствия для организации коммуникации власти и населения. С одной стороны, он стал ненасильственной устойчивой, внешне эффективной драматургической формой функционирования властных институций различного уровня. С другой стороны, фрейм добровольно-принудительного порядка неизбежно блокировал интериоризацию индивидом идеологий публичного пространства. К последним следует отнести не только политическую, но и профессиональную сферу жизни советского социума.

Добровольно-принудительный порядок подвергся серьезной деструкции в период Перестройки и последующие 1990-е годы. В условиях, когда оказалось возможным использование «настоящего», а не сфабрикованного фрейма, первый оказался предпочтительнее в силу того, что предлагал стирание границы условности между формой и содержанием действия. Так, упоминавшийся ранее митинг в защиту мира и митинги за отмену шестой статьи Конституции СССР, несмотря на структурную схожесть, находились с точки зрения субъектов на диаметрально противоположных смысловых позициях. В новых условиях руководители различных уровней столкнулись с проблемой эффективности советских форм фреймирования властных отношений. Возможно, именно этим объясняется феномен алкоголизации властных отношений в государственных институтах и структурах бизнеса. Освоенный прежде фрейм банкета и (или) неофициальной пьянки оказался в тот момент удобной заменой прежних форм властных коммуникаций.

Феномен наступившей позже ностальгии по советскому выглядит не только как попытка возрождения смыслов ушедшей эпохи, но и как восстановление советского фрейма добровольно-принудительного порядка. Между тем «Старые песни о главном» являлись лишь кавером на советскую эстраду. Иными словами, старое содержание, помещаемое в новый контекст, могло воспроизводиться только посредством условности. В отличие от оригинального председателя колхоза, являвшего собой эталонный образ ветерана-труженика позднесталинского мифа, герой постсоветского исполнения является закавыченным «председателем». Смена контекста принципиально меняла ситуацию в

силу того, что разница между концом 1940-х и 1990-ми была слишком велика.

Добровольно-принудительный порядок в современных условиях тоже является своеобразным кавером, который воспроизводит в большей степени формы властных отношений, нежели их содержание. Особенностью этих форм является их маркировка «советскостью» – воображаемым ориентиром, который служит основой для сравнения¹⁵. Фреймы советского транспонировались, таким образом, во фреймы постсоветского. Последний термин при этом сам по себе является дискурсивным фреймом, задающим оценку новой социальной реальности в старых значениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. Изд. 3-е. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 368 с.
- Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов, СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. 334 с.
- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. С. 453–468.
- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
- Гудков Л.Д. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения. 2009. № 2(100). С. 8–37.
- Димке Д. Юные коммунары, или Крестовый поход детей: между утопией декларируемой и утопией реальной / Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е): коллект. монография. М.: Новое литературное обозрение. 2015. С. 360 – 397
- Лебина Н.Б. Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР – оттепель. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 203 с.
- Левада Ю.А. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 576 с.
- Людтке А. История повседневности в Германии к изучению: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.
- Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге: Европейский дом, 2008. 544 с.
- Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–60-х гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 223 с.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
- 1956: незамеченный термидор. Очерки провинциального быта / О. Лейбович, А. Колдушко, В. Шабалин, С. Шевырин, А. Чашухин, А. Бушмаков, А. Казанков, А. Кимерлинг; Перм. гос. ин-т искусства и культуры. Пермь, 2012. 247 с.

¹⁵ Примечательно, но вне зависимости от политических убеждений современные публичные мероприятия трактуются как напоминающие «советские». В одном политическом лагере этот ориентир служит предметом гордости, в другом – объектом критики.

REFERENCES

- Dimke D. (2015) Junye kommunary, ili Krestovyy pohod detej: mezhdru utopiej deklariruemoj i utopiej real'noj / Ostrova utopii: pedagogicheskoe i social'noe proektirovanie poslevoennoj shkoly (1940–1980-e): kollekt. monografija. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. p.360 – 397
- Firsov B.M. (2008) Raznomyslie v SSSR. 1940–1960-e gody. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge: Evropejskij dom. 544 p.
- Fokin A. A. (2017) «Kommunizm ne za gorami». Obrazy budushhego u vlasti i naselenija SSSR na rubezhe 1950–60-h gg. M.: Politicheskaja jenciklopedija. 223 p.
- Gofman I. (2003) Analiz frejmov: jesse ob organizacii povsednevnogo opyta. M.: Institut sociologii RAN, 752 p.
- Gudkov L.D. (2009) Uslovija vosproizvodstva «sovetskogo cheloveka» // Vestnik obshhestvennogo mnenija.. № 2(100). p. 8–37.
- Jurchak A. (2014) Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 664 p.
- Lebina N.B. (2014) Muzhchina i zhenshhina: telo, moda, kul'tura. SSSR – ottepel'. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 203 p.
- Levada Ju.A. (2000) Ot mnenij k ponimaniju. Sociologicheskie ocherki 1993–2000. M.: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij. 576 p.
- Ljudtke A. (2010) Istorija povsednevnosti v Germanii k izucheniju: Novye podhody k izucheniju truda, vojny i vlasti. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN); Germanskij istoricheskij institut v Moskve. 271 p.
- Vahshtajn V.S. (2011) Sociologija povsednevnosti i teorija frejmov, SPb: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 334 p.
- Vajl' P., Genis A. (2001) 60-e. Mir sovetskogo cheloveka. Izd. 3-e. M.: Novoe literaturnoe obozrenie,. 368 p.
- Veber M. (2006) Osnovnye sociologicheskie ponjatija // Veber M. Izbrannoe: Protestantiskaja jetika i duh kapitalizma. 2-e izd., dop. i ispr. M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN). p. 453–468.
- (2012) 1956: nezamechennyj termidor. Ocherki provincial'nogo byta / O. Lejbovich, A. Koldushko, V. Shabalin, S. Shevyrin, A. Chashhuhin, A. Bushmakov, A. Kazankov, A. Kimerling; Perm. gos. in-t iskusstva i kul'tury. Perm'. 247 p.